

К 90-летию БОЛШЕВСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Изгнанная и забытая книга

Как-то, в конце 90-х, будучи ещё подростком, я прочитала статью Александра Балакина «Любовь к голубям».

«Если бы был конкурс на «самую, самую... лучшую книгу века» или была бы в газете рубрика «Королёвская книга чудес и рекордов», то, безусловно, это издание вошло бы туда по многим номинациям. Лучшая книга о Болшеве — только она, и для этого есть много параметров (оформление, иллюстрации, объём и трагическая история, коллектив авторов, тираж...). Самая изгнанная и забытая книга по истории города. До сих пор она не переиздана хотя бы малым тиражом — в 1000

экземпляров». («Калининградская правда», 7 августа 1999 года.) Прошло уже много лет, а я до сих пор почти наизусть помню первые строки этой статьи... Тогда они стали для меня вершиной айсберга под названием «Болшевская трудовая коммуна», тогда же я впервые узнала о книге «Болшевцы».

Увидевшая свет в 1936 году в количестве 100 тыс. экземпляров, книга имела большой успех у читателей, но вскоре, вслед за коммуной, была «репрессирована», изъята из продажи и предана забвению. В «выживших» экземплярах книги люди, руководимые страхом, вырывали страницы, вымарывали фамилии «врагов народа». Найти не пострадавший экземпляр в наше время практически невозможно. Букинисты предлагают книги в разном состоянии испорченности, и цена начинается от нескольких тысяч рублей.

Толщиной три с половиной сантиметра, более 500 страниц, около сотни имён, фамилий, прозвищ. Судьбы нескольких героев описаны довольно подробно, некоторым посвящены отдельные очерки. Большинство главных героев книги — расстреляны в 1937–38 годах... Всё это невозможно уместить на страницах газеты, но уж очень хочется познакомить, хотя бы вкратце, читателей «Калининградской правды» с книгой с таким тёплым для нас всех названием — «Болшевцы».

В одном из последних выпусков краеведческой страницы были приведены отрывки из первых глав книги, где рассказывалось о событиях 1924 года. В этом выпуске мы решили нарушить ход повествования и переместиться в конец 20-х — начало 30-х годов и рассказать о начале капитального строительства в коммуне. Лучшими иллюстрациями к этому рассказу будут фотографии из фондов Королёвского исторического музея.

Накануне начала большого строительства...

«Болшевцы жили в фибролитовых домах (два домика сохранились на улице Коммунальной. — С.Ю.), на частных квартирах в деревне Костино, отчасти в бараках. Давно механизированные, резко увеличившие объём производства и дающие прибыль фабрики и мастерские коммуны ещё не все имели соответствующие их потребностям помещения. Особенно плохо было с обувной. Она всё ещё помещалась в старой конюшне. Было там грязно, душно, стоял тяжёлый запах кожи, клея и вара. Низкие перекошенные потолки грозили рухнуть. С бревенчатых стен бахромой свисала пыльная паутина».

Но, несмотря на то что быт и условия труда на производстве были далеки от совершенства, ребята любили коммуны, где всё было сделано их руками, верили в её будущее.

Не переставала раздаваться в цехах сложенная кем-то из ребят на мотив «Кирпичиков» нехитрая песенка:

*На окраине села Костина,
Где жил Ленин — учитель и друг,
Тихой осенью, в дни ненастные,
Создавалась коммуна не вдруг.
По кирпичику и по брёвнышку
Прокладали дорожку и путь,
Время первое было трудное,
И боялись к пути мы примкнуть.*

Лит.: К. Алтайский, В. Яснев, М. Лузгин. **СЕКРЕТ ПОБЕДЫ.** // **Болшевы**
Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягоды трудкоммуны НКВД. Под редакцией М.
Горького, К. Горбунова, М. Лузгина. С. 405–406.

Большая стройка

«Ребят волновало больше всего то, что они сами должны были наметить новые объекты строительства, решить вопрос, куда вложит коммуна свои средства.

Нужд обнаружилось много. Болшевы спорили. Одни требовали прежде всего хорошую, просторную баню, другие — прачечную, третьи поднимали вопрос о хлебопекарне и о воде... Они готовы были строить всё. Если бы принимать всерьёз все их предложения, вырос бы целый город». И город действительно вырос, но не сразу. Тогда первой задачей стало строительство новой обувной фабрики. Ожидался

большой приток воспитанников, которых предстояло обеспечить достойной работой.

«О том, что предстоит новый набор, в коммуне говорили давно. Говорили, что набор будет большой — стало быть, возьмут пятьдесят, а может быть, даже и сто человек». Так думали коммунары. Но цифры оказались совсем другого порядка: полтысячи человек!

«Опасались, что пятьсот правонарушителей, принятых одновременно, «растворят» в себе уже перевоспитанных коммунаров. Опасались, что волна «новых» ударит по законам коммуны, внесёт много огромных трудностей; что начнутся групповые побеги, за новичками могут потянуться и старые болшевы. Вспомнили о жилье...

Четырёхэтажное общежитие было достроено (т. н. дом Стройбюро. — **С.Ю.**). Но удовлетворило оно только самые неотложные нужды. Полтысячи новых воспитанников должны быть где-то размещены. Всё увеличивалось количество сезонников. Где жить этим?

Вопрос с жильём обсуждался с особой страстностью. Это не был какой-нибудь отвлечённый, не имеющий практического значения вопрос, его нужно было решать немедленно. Затаив до времени мечту о светлых, пронизанных солнцем просторных жилищных комбинатах, коммунары решили построить в кратчайший срок пять лёгких бараков, могущих вместить пятьсот человек».

Однако большая часть активистов считала, что «коммуна утвердилась, стала на ноги. Если строить, то уж строить на совесть, на годы. Не какие-нибудь хибарки, а жилкомбинаты с ванными и газом, с балконами и цветниками вокруг. Размах, тяга к большим масштабам, уверенность в завтрашнем дне звучали в их речах».

Чтобы спроектировать посёлок трудкоммуны, в Болшево были приглашены архитекторы.

«Чериковер (Лазарь Зиновьевич. — **С.Ю.**) ходил по коммуне с картой-пятивёрсткой в руках, морщился, крутил носом. Нужно было дать чертёж предстоящей стройки, но генерального плана самой стройки, цифр и расчётов не было. Чериковер впервые сталкивался с такой невероятно трудной задачей.

Он помнил свой разговор накануне с Лангманом (Аркадий Яковлевич. — **С.Ю.**). Лангман был старый, опытный архитектор, талантливый, энергичный человек. Для Чериковера его слова имели большой вес.

Лангман сказал:

— Территория коммуны с разбросанными постройками — и унаследованными и вновь выстроенными — поражает отсутствием планировки. ...Нужно разместить объекты строительства — улицы, площади, парки, пруды, — чтобы всё получило своё место, соответствующее назначению. Нужно создать замкнутый хозяйственный комплекс, развивающийся по строго плановым путям.

Ну что же... Нужен план — значит, он будет!»
И однажды, «в свежее прохладное утро на фабриках коммуны произошёл внезапный простой.

Люди бросали цеха, выбегали на улицы, закидывали вверх головы и стояли, как зачарованные. Над коммуной, рокоча пропеллером, сверкая серебристой оболочкой, низко, почти бредущим полётом плыл самолёт. Он описывал плавные круги, может быть, ища места для посадки, — но где тут снизиться?

Ребята спорили, высказывали свои соображения и догадки под густой, волнующий гул воздушного гостя...»

Оказалось, что по распоряжению хозяйственного отдела ОГПУ производили аэрофотосъёмку коммуны. Вот бы теперь найти в архивах эту съёмку!

Ребятам объяснили, что «объектив аэрофотоаппарата имеет максимальную резкость, обладает большой светосилой и большой кроющей способностью. Пообещав показать в скором времени аэрофотоснимок коммуны, заведующий заключил тоном, не допускающим возражений:

— Люди работают, давайте работать и мы...

Порядок восстановился.

Теперь — что ни день — в коммуны приезжали новые люди. Грузовики подвозили песок, бочки с цементом, дикий известняк, жёлтый, как парафин, тёс, кирпич.

Утро начиналось шумом, говором, песнями. К маю строительный материал для обувной фабрики был изготовлен, чертежи уточнены и даже вырыт котлован. Можно было начинать стройку.

День закладки обувной фабрики выдался ясный и безоблачный. После завтрака около котлована собралась вся коммуна... Заиграл оркестр... Блеснула на солнце медная дощечка: «Спортивно-обувная фабрика первой трудовой коммуны ОГПУ заложена 2 июня 1930 года. Первый кирпич клал старый коммунары товарищ Генералов».

Праздник закладки кончился. Будни вступали в свои права.

Коммуна выглядела теперь, как новостройка. Скелеты стропил, строительный мусор, грузовики, исторгающие клубы едкого синего дыма, вечно озабоченные, куда-то спешащие люди. Очень много стало сезонников. Поэт-большевец **Бобринский** написал о них шутивное стихотворение:

*Пришли к нам люди с Оки и Волхова,
Вятские плотники в рубахах гороховых,
Калужские сметливые столяры,
Костромские балагуры-маляры,
Тверские печники, не охочие лежать на печи,
Смоленские grabари, козельские копачи,
Рязанские ухари-стекольщики,
Жиздринские угрюмые бетонщики
И молчаливые натуры —
Вологодские штукатуры.*

Лит.: К. Алтайский, В. Яснев, М. Лузгин. БОЛЬШАЯ СТРОЙКА. С. 411–420.

События, описанные в «Болшевцах», хорошо дополняют воспоминания непосредственного участника строительства посёлка коммуны Николая Алексеевича Торбина, опубликованные в альманахе «Болшево» в 1994 году:

«...Вообще, в системе НКВД было очень хорошее снабжение по части строительных материалов. Строительство, ведшееся в болшевской коммуны, несмотря на то что осуществлялось за пределами Москвы, не было провинциальным, но, напротив, велось исключительно на столичном уровне. Для системы НКВД не существовало понятия «провинция» или «второстепенная стройка». Высокий уровень проектирования и строительства был обеспечен уже самим статусом заказчика и исполнителя, единого в двух лицах.

Кирпич завозили с Мытищинского завода, подавали вагонами. В феврале и марте (1928) его возили от

станции лошадьми. Ранней весной 1928 года построили железнодорожную ветку широкой колеи — до этого была узкоколейка от фабрики 1 Мая до Торфопредприятия... В системе НКВД был прекрасный деревоотделывающий комбинат, в Москве, в районе села Всехсвятского, посёлка Сокол. Там в 30-е годы была построена станция метро «Сокол». Мне довелось туда ездить. Оттуда присылали по нашим заказам готовые оконные и дверные блоки. Материал для кровли — железо — поставляли из Москвы. А вот раствор готовили на месте, на так называемом бойке, ручным способом.

Несмотря на низкий уровень механизации — следствие общего строительного уровня по стране, — НКВД при строительстве добивался главного: соблюдения сроков и хорошего качества.

Безработица гнала поближе к Москве многих отличных строителей — мастеров своего дела.

Здесь, в Костине, были представители почти всей Центральной России. Плотники — тверские, из-под Ржева, рязанские, прославленные «коробовские», смоленские из Гжатского района, помню даже Юдова Ивана Степановича. А из Рязанской области бригадиром был плотник по фамилии Казаков. Из-под Ржева — по фамилии Семёнов. Каменщики — из Черниговской области, с Украины. Другая бригада каменщиков — из Калужской области. «Козоносы» — подносчики тяжестей — из-под Казани. Эти ребята, татары, были, кстати, очень хорошими работниками. Землекопы, осуществлявшие все земляные работы, приехали из Юхновского района Смоленской области. Работали они с землевозными тачками. Среди маляров помню бригаду Лебедева в первые годы, а позднее — бригаду Ткачёва, продолжавшую работать до конца. Практически все коммунары принимали то или иное участие в строительстве. Кто — в подготовке участка, кто — в помощи монтажникам, кто — в помощи отделочникам. В таких мероприятиях, как устройство покрытия шоссе, озеленение, коммуна участвовала почти в полном составе».

(С.Б. Мержанов. Главный строитель.// Болшево. Литературный историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Болшево, 1994. С. 86–88).

Несколько слов об упомянутом в книге «Болшевцы» поэте.

БОБРИНСКИЙ Алексей Александрович (1905 год, Москва — 1938 год, Бутовский полигон), коммунары большевской трудкоммуны с 1929 года, бывший вор-рецидивист. В коммуне был широко известным человеком — его стихи и проза постоянно печатались в газетах «Болшевец», «Коммунар», журнале «За коммуну», альманахе бывших правонарушителей «Вчера и сегодня», выходящем под редакцией М. Горького. Алексей Бобринский входил в авторский коллектив книги «Болшевцы», был автором слов песни «Коммунары» на музыку А.Г. Двейрина.

Заведовал магазином трудкоммуны. В 1935 году награждён грамотой от НКВД. Арестован в декабре 1937 года, осуждён по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности. Реабилитирован в 1989 году (Бутовский полигон. Вып. 7).

В РАБОТЕ

(Отрывок из поэмы «О себе» поэта-коммунара Алексея Бобринского)

*Растут на ладонях мозоли.
Глядишь на себя и других —
Мысль пламенеет невольно,
А дальше рождается стих.
С этих больших новостроек
Давно мне знакомо свежит.
Спросите. Они вам не скроют,
Что в них мой кирпич лежит.
Не жжёт по-осеннему ветер,
И в ночь не горят фонари,
Забыл, как на жёлтом рассвете
Никель нагана горит.
И вот что глаза не видали,
Встарь не ступил бы ногой.
Три года я вешаю табель
С рабочими в проходной.*

(альманах «Вчера и сегодня», 1932 г.)

Подготовили:

текст — Светлана ЮДИНА,

фотографии — Зинаида ИГНАТОВА,

Сергей БОРЗЕНКОВ